

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'367.622.12

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.9-22

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СИСТЕМЕ КОНСТАНТ РАССКАЗА Б.К. ЗАЙЦЕВА «СЕРДЦЕ АВРААМИЯ»

М.И. Кузьмина

*Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, 603155, Россия*

Аннотация

В статье исследуются особенности функционирования имени собственного в рассказе Б.К. Зайцева «Сердце Авраамия» (1926). Объектом исследования является ономастическая лексика (имена *Авраамий, Мария, Богородица Умиление Сердец* и др.) и отдельные константы христианской культуры (*Сердце, Умиление, Икона, Молитва, Слёзы, Грех* и др.) Новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью ономастического пространства художественной речи Б.К. Зайцева. Результатом работы стала реконструкция фрагмента концептосферы рассказа «Сердце Авраамия». Описано ономастическое поле текста Б.К. Зайцева, определена функциональная роль имен собственных. Выявлены способности онима вступать в сложные межполевые отношения и ассоциативно-семантические связи с концептами христианской культуры. Сделаны частные выводы о чертах поэтики Б.К. Зайцева: о концептуализации значений отдельных языковых единиц и об усилении ценностной составляющей в их значении в художественном тексте.

Ключевые слова: имя собственное, семантика языковых единиц, агнионим, художественный текст, константа, концептосфера, языковая картина мира писателя, Б.К. Зайцев, православная картина мира

Введение

В современной ономастике оним признаётся особой функционально-семантической единицей языка, речи и культуры [1, с. 21]. В настоящей работе литературное имя собственное изучается как содержательная единица, которая обусловлена мировоззренческими и эстетическими установками писателя, нагружена индивидуально-авторскими ассоциациями, зависима от идейно-художественного своеобразия произведения; оним исследуется и как средство выражения фрагмента языковой картины мира писателя [2, с. 5]. Имя собственное также рассматривается как название и репрезентативная единица культурного концепта, или константа. Под культурным концептом понимается «слово или выражение, семантика которого отражает духовные смыслы о системе мироустройства и о системе ценностей отдельного этноса» [3, с. 47]. Согласно точке зрения Ю.С. Степанова, *константы* – это базовые культурные концепты, обладающие

устойчивостью и существующие постоянно или очень долгое время, а также отражающие неизменный фрагмент картины мира [3]. Концепты религиозной православной картины мира принимаются в настоящем исследовании как константы.

Цель настоящей работы – исследовать особенности функционирования имени собственного в рассказе Б.К. Зайцева. Объектом исследования, кроме имени собственного, стали различные средства экспликации семантики имени в художественном тексте. Особое внимание уделялось синонимическим заменам онима: аппеллятивным лексемам и словам ближайшего контекста, которые часто приобретают концептуальную значимость.

Материалом исследования служит рассказ Б.К. Зайцева «Сердце Авраамия» (1926). Данный рассказ оказывается полисемантическим. Художественное мировидение и православное мироощущение Б.К. Зайцева в анализируемом тексте проявляется в метафоричности и синтетичности образов, сложной системе констант (*Вера, Душа, Икона, Лес, Озеро* и др.), философской символике, лейтмотивности деталей и, безусловно, в ономастическом материале. Ономастикон рассказа включает разные типы имен собственных: личное имя собственное (антропоним *Авраамий* и *Мария*), имя святого (агионим/агиоантропоним *Бог, Христос, Богородица, Авраамий*), имя иконы (иконим *Богородица Умиление Сердец*), имя монастыря (экклезионим *Монастырь имени Богородицы Умиление Сердец*), топоним (*земля Ростовская, дикий край Галичский*), гидроним (*озеро Чудское*).

Б.К. Зайцев, по словам А.М. Любомудрова, «всю жизнь оставался православным христианином и явил редкий в художественной литературе феномен» [4, с. 137]. Архимандрит Киприан назвал индивидуальный стиль зайцевской прозы «подсознательным, неуловимым ощущением божественной иконы мира, его неомраченных светлых истоков» [5, с. 160]. Функционирование имен собственных в тексте рассказа оказывается обусловлено мировоззрением писателя. Имена собственные вступают в рассказе в ассоциативно-семантические связи с константами христианской православной культуры. Данные связи имен собственных участвуют в формировании общей оценки константы *Святость* в языковой картине мира писателя.

Согласно точке зрения И.В. Бугаевой, агионим трактуется как «составное наименование, служащее для называния лиц или объектов, на которых почивает благодать Божия или святость через чин прославления или освящения» [6, с. 9]. Данные имена собственные оказываются вербализациями константы *Святость*. Применительно к религиозной православной концептосфере можно говорить о сложившемся в лингвистике понимании того, что агионимы – это «сильный знак текста, скрепа повествования» и «сложный лингвокультурный комплекс» [7, с. 12–13].

Феномен святости в различных ипостасях неоднократно осмыслялся в творчестве Б.К. Зайцева «силой сердечной, творческой интуиции» [8, с. 344] и получил авторское оригинальное воплощение в тексте «Сердце Авраамия».

Имя Авраамий в ономастиконе и концептосфере рассказа Б.К. Зайцева

Употребление имени собственного значимо в функции антропонима – личного имени человека. В центре рассказа – образ главного персонажа, крестьянина Ростовской земли по имени Авраамий. Второстепенным персонажем ока-

зывается его жена Мария. В начале текста эти имена – антропонимы, но с развитием повествования осложняется семантика онимов и меняется их типологическая разновидность: от имени человека к имени святого. В финале текста появляется еще один главный персонаж, женский, – *Дева Мария*.

Имя собственное *Авраамий* выполняет функцию выделения персонажа в тексте. Необычность и странность имени для русского ономастикона сначала привлекает внимание. Однако эта странность снимается в языковом религиозном сознании, поскольку ключевое имя собственное рассказа *Авраамий* является репрезентантом константы *Святой*. Это имя композиционно и семантически организует данный текст, отсылает к православной агиографии. Нужно отметить, что в тексте используется неканоническое имя святого. В современном литературоведении при отсутствии лингвистических работ определено, что среди православных святых ближе всех к образу персонажа *Авраамий Галичский* (*Чухломский, или Городецкий*), ученик и постриженник преподобного Сергия Радонежского (см. [8–10] и др.). После долгих лет искуса Авраамий был удостоен священнического сана. Пребывая в пустынных местах, он обрел сиявшую неизреченным светом икону «Умиление» (Галичская, или Чухломская). В одном ономастическом поле оказываются имена святых *Авраамия Галичского, Сергия Радонежского* и имя иконы – *Умиление*. Выбор имени и его синонимических замен связан с жанровой спецификой рассказа, который близок к древнерусскому жанру жития, литературному апокрифу. Об этом достаточно написано в отечественном литературоведении ([11, 12] и др.).

Святой является «воплощением всех положительных качеств христианина: праведности, духовной и нравственной непорочности, чистоты» [13, с. 118]. Но не таков Авраамий в начале рассказа. Б.К. Зайцев через судьбу персонажа показал путь от обычного человека до святого, путь очищения грешного сердца. Сюжет рассказа прост: Авраамий – ростовский крестьянин – был здоров, силен, зажиточен, но «не легко давалась ему жизнь, и мало радости¹ в ней видел – по причине тяжести души» (СА, с. 355). В начале заявлены значимые константы концептосферы рассказа – *Грех и Радость*. Причина трудностей в жизни Авраамия емко обозначена автором как «тяжесть души» (СА, с. 355) – души, отягощенной грехом гнева и зависти. *Гнев* и *зависть* являются репрезентантами константа *Грех*: «Казалось ему все не так. Изба лучше у соседа, урожай богаче, а работает меньше. Другим мельник мелет правильно, его обвешивает. У других жены статные, красивые, а его Мария и худа, бледна, и лицом не вышла. Он силен, а она слаба» (СА, с. 355). Авраамий мучается, страдает, томится.

В тексте имя собственное *Авраамий* вступает в ассоциативно-семантические связи с лексемой *томление*, которая указывает на ‘ощущение душевной тревоги, тоски, мучительного беспокойства’ и ‘изнуряющее душевное страдание, состояние того, кого мучит и тяготит что-то’ (БАС, т. 15, стб. 598). Через томление души, страдания проходит путь персонажа к радости как желаемому итогу духовного изменения. В православной традиции умение радоваться – одна из важных духовных ценностей: «Радуйтесь всегда в Господе» (Фил. 4:4). Настоящая радость может появиться как следствие искренней Любви к Богу и людям [14].

¹ Здесь и далее выделено нами. – М. К.

Ключом к пониманию произведения традиционно считается его название. Текст Б.К. Зайцева не является исключением. Имя собственное, выносимое в заглавие произведения, формирует концептуальность художественного текста. Оно занимает сильную позицию в тексте и является ключевым. Особое место в рассказе занимает слово *сердце (душа)* как репрезентант одноименного концепта православной культуры и доминирующая составляющая концептосферы исследуемого текста. «Писатель понимает “*сердце*” и “*душу*” как синонимы. Более того, оказавшись в названии произведения, слово “*сердце*” наполняется символическими значениями жизненного пути человека» [15, с. 28]. Сердце Авраамия неоднократно характеризуется в начале рассказа как *тяжелое, тяжкое, косматое, завистливое, недовольное*: «Сила твоя великая, плечи как у медведя, руки в волосе, а сердце косматое. Тяжкое у тебя сердце, на всё завистливое и недовольное» (СА, с. 356). В словарных дефинициях слово *тяжелый* употребляется в значении ‘причиняющий страдания, мучительный’ (БАС, т. 15, стб. 1253); *тяжкий* – в значении ‘крайне трудный, обременительный; горестный, трудный, неприятный в общении, безрадостный’ (БАС, т.15, стб. 1262–1263). Следует согласиться с мнением А.В. Налобина о метафорическом смысле слова *косматый*: «Косматое сердце – грубое, звериное, недоступное для сострадания» [12, с.47].

В семантизации имени собственного в художественной речи участвуют средства вторичной номинации: определения, перифразы, синонимические замены, диминутивные формы, местоименные субституты [2, с. 33]. В связи с этим в работе были рассмотрены апеллятивные идентификаторы и синонимические замены имени собственного *Авраамий*, среди которых лексемы *крестьянин, батрак, послушник, монах, блаженный, провозвестник и проповедник светлейшей истины Христовой*. Первые три являются социальными ролями персонажа, отражают его социальный статус, другие функциональные именованья являются аксиологическими характеристиками с указанием ранга святости, ее отдельными ипостасями. Численно преобладают апеллятивы, связанные с константами *Вера* и *Святость*. Номинация *странник* дается имплицитно, в речи старца-пустынника: «Походи по миру, послужи Богу» (СА, с. 356).

Показательно употребление атрибутивной характеристики имени – *блаженный Авраамий*. В справочной литературе слово *блаженный* зафиксировано в значении ‘как эпитет некоторых святых’ (БАС, т. 1, стб. 498–499). Синтагматические связи со словом *блаженный* способствуют появлению в значении антропонима семантического признака ‘святость’.

Слово *блаженный* встречается в речи ласточки, которая говорит с перерожденным Авраамием человеческим голосом. В результате контекстуальных связей со словами *блаженный, новорожденный к любви и кротости* в значении имени собственного *Авраамий* актуализируются компоненты ‘любовь’, ‘смирение’, ‘вера’, ‘святость’: «Здравствуй, *блаженный* Авраамие, новорожденный к любви и кротости, отныне дан тебе крест проповеди слова Божия и славы Богоматери среди неверующих и язычников» (СА, с. 358). Благодаря данному контексту можно говорить об интертекстуальных связях текста Б.К. Зайцева и Библии. Рассказ оказывается авторской литературной иллюстрацией Заповедей блаженства. Шестая заповедь блаженства гласит: «Блаженны чистые сердцем,

ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Идея чистоты сердца объединяет тексты Б.К. Зайцева и Евангелия. Авраамий всю свою жизнь стремился к исполнению этой заповеди: он хотел «очистить свое сердце». После перерождения «смирненным и последним он себе казался и на все радовался, за все благодарил Бога» (СА, с. 358). Это подтверждение выполнения Авраамием заповедей блаженства: «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5) и «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9). Данные заповеди призывают к смирению и сохранению мира в своей душе.

Другой синонимической заменой имени *Авраамий* является номинация *провозвестник и проповедник светлейшей истины Христовой*. В словарных дефинициях *проповедник* – ‘священнослужитель или служитель культа, произносящий проповедь (проповеди), а также вообще распространитель какого-нибудь вероучения’; ‘убежденный сторонник и распространитель какого-нибудь учения, идей, взглядов’; ‘человек, распространяющий какие-нибудь идеи, взгляды, проповедующий их’ (РСС). В результате контекстуальных связей в значении имени в тексте актуализируются следующие компоненты: ‘вера’, ‘проповедь’, ‘убежденность’.

В тексте Б.К. Зайцева имплицитно устанавливаются устойчивые ассоциативно-семантические связи имен *Авраамий* и *Сергий Радонежский*, причем имя последнего утаивается. Сергей Радонежский – особое имя для писателя. Агионим *Сергий Радонежский* имплицитно вводится в ономастикон рассказа. В тексте упоминается безымянный старец-пустынник, который помогает Авраамии измениться. Неназванность имени старца меняет перспективу повествования и позволяет говорить о функции перспективации. Когда умирает его жена, когда опустылил ему и родной дом, Авраамий идет к старцу-пустыннику, живущему в лесной келейке, и слушает его завет: «Пока сердце не смелешь, счастлив не будешь. <...> Походи по миру, послужи Богу, коли даст размолоть сердце, то найдешь себя» (СА, с. 356).

Функция утаивания имени почитаемого в России святого, возможно, связана с авторской идеей о возможности одного человека приблизиться к образу *святого*, стать им, показать индивидуальный путь. Прием безымянности/анонимности персонажа как «маркированная пустота» [16, с. 138] и как реализация функции выделения связан с несоответствием статуса мужских персонажей в повествовании. Текст не о Сергии Радонежском, а об Авраамии Галичском, причем больше об Авраамии-человеке, чем об Авраамии-святом. Сергей Радонежский – признанный и почитаемый русский православный святой. В результате ассоциативно-семантических связей с именем Сергей Радонежский имя *Авраамий* вводится в общее семантическое поле православных святых. Эти связи позволяют говорить о расширении ономастических и концептуальных границ исследуемого текста.

В финале рассказа обыгрывается этимология имени персонажа, выбор которого подчиняется авторской задаче и обусловлен жанром литературного апокрифа. Имя *Авраамий* в переводе с древнееврейского означает ‘возвышенный отец, отец множества народов’ (СРЛИ, с. 20). Это позволяет говорить о функции говорящего имени собственного в тексте: Авраамий – основатель не одного монастыря имени Пречистой Девы и отец не одной монашеской братии.

В связи с агноантропонимом *Авраамий* следует обратить внимание на употребление экклезионимов в рассказе. Официальные названия церковей строятся по модели «во имя + родительный падеж существительного, в честь + родительный падеж существительного». В тексте Б.К. Зайцева употребляются сокращенные модели именования монастырей, разговорные варианты неофициального названия: *монастырь Богородицы Умиление Сердец*, *монастырь имени Пресвятой Девы*, *монастырь во славу Пречистой*. Именно такие, на наш взгляд, народные варианты агнонимов становятся кодовыми знаками культуры. Может быть, именно эта неофициальная форма именования ближе русскому человеку.

Константа *Чудо* и гидроним *Чудское* в рассказе Б.К. Зайцева

Одним из значимых компонентов религиозной картины мира и концептосферы исследуемого текста может быть назван концепт *Чудо* – «по религиозным и мифологическим представлениям: сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божьей силы» [17, с. 26]; «знак божественного вмешательства в обычную жизнь» [17, с. 32]. Читатель дважды встречается с чудом: это чудо обретения иконы Богородицы и чудо перерождения или преобразования грешного героя. Чудо во втором его проявлении связано с лексемами *томление*, *молитва*, *сострадание* и *умиление*. «Так по томлению, молитвам и по страданию, умер прежний Авраамий и явился новый. А на озере до наших дней осталась светло-серебристая струя, проведенная таинственной лодкой, где родилось новое сердце Авраамия» (СА, с. 358). В этих финальных строках рассказа звучит идея очищающего страдания.

Концептуально важным для создания топоса текста и раскрывающим авторскую идею оказывается гидроним *Чудское озеро*. Данное имя выполняет в рассказе функцию создания реальности мира повествования. Значимо то, что монастырь, где раньше был послушником Авраамий, находился далеко в лесах, у озера *Чудского*.

Номинация *Чудское озеро* отличается смысловой двойственностью. Обратимся к анализу внутренней формы онима. В этимологическом словаре Г.А. Крылова зафиксированы связи гидронима и древнерусского этнонима: «название восходит к имени финского племени, обитавшего на его берегах, – чудь» (ЭСРЯ, с. 410). Данные связи позволяют говорить о признаке ‘языческое’ в значении исследуемого гидронима. В тексте Б.К. Зайцева «языческое» озеро становится местом совершения Чуда.

Необходимо отметить тот факт, что в сознании русского человека существует прочная связь имен *Чудское озеро* – *Александр Невский*. Чудское озеро признаётся местом совершения подвига и местом славы. В результате можно говорить о существовании ассоциативно-семантических связей имен собственных *Александр Невский* и *Авраамий Галицкий*. В русской языковой картине мира *Александр Невский* культурно значим как защитник православной Руси от завоевания крестоносцами, а *Авраамий Галицкий* – как носитель православия язычникам, «распространитель» православной веры. Эти имплицитные связи свидетельствуют о культурно-исторической ценности в русской языковой картине мира констант *Русский православный святой* и *Святость*.

С другой стороны, гидроним *Чудское озеро* может быть производным от нарицательного существительного *чудо*. Гидроним и константа *Чудо* оказываются связанными в символическом плане. Особая роль она обусловлена жанром текста. Описание чудес является необходимым структурным элементом житийного жанра. Идея чуда, отраженная в мотивировке имени, реализуется по-разному. Репрезентантами концепта *Чудо* в тексте Б.К. Зайцева оказываются *вода, молитва, томление, сострадание*. Важным образом рассказа становится *озеро*. Традиционно *вода* – стихия, изменяющая состояние человека, «символ чистоты и очищения» (СС, с. 43). «Учение Христа часто сравнивается с водой, привлекающей страждущих» (ЭС, с. 93). Переправа Авраамия через озеро (Чудское) является переходом героя в новое качество: на озере «умер прежний Авраамий и родился новый» (СА, с. 358).

На озере перед иконой Авраамий слышит голос: «Я Богородица Умиление Сердец. По неким молитвам и по собственному твоему томлению я сжалилась над тобой. Я беру у тебя сердце» (СА, с.357). В данном контексте происходит реализация константы *Молитва*. «Молитва – это вербализованное проявление любви и заботы о ближнем и способ обращения Бога к человеку. Функции православной молитвы – это: 1) прошение у Бога (в том числе прощения); 2) хвала, благодарение Богу» [18, с. 165]. Данный концепт в тексте рассказа находит словесную реализацию с помощью лексемы *молитва* в значении ‘прошение у Бога’. «Умягчение» сердца Авраамия, его души происходит благодаря молитвам души жены персонажа и его собственным молитвам, а также благодаря помощи и состраданию Богородицы.

Следует обратить внимание на то, что в изучаемом рассказе вербализациями константы *Чудо* являются и конкретно-бытовые образы зайца, ласточки, лодки. Значение данных лексем в тексте приобретает символическую нагрузку. В справочной литературе слово *лодка* зафиксировано в значении ‘средства перехода из материального мира в духовный’ и ‘символическая колыбель для душ, которые ждут возрождения’ (СС, с. 198), *ласточка* приводится как символ воскрешения (СС, с. 187), а *заяц* как ‘аллегория верующего, ищущего прибежища во Христе’ (СС, с. 106).

Имя *Мария* в тексте Б.К. Зайцева

Наряду с главным мужским персонажем рассказа необходимо назвать главный женский персонаж. Им является *Дева Мария*. Данный агнионим функционирует в следующих модификациях: *Богоматерь, Мария, Богородица Умиление Сердец, Пресвятая Дева, Пречистая*. Интересен тот факт, что первоначальное название рассказа было связано не с именем Авраамий – «Богоматерь Умиление Сердец» [9, с. 47; 11, с. 68]. Данное имя собственное необычно вводится в финале текста. Впервые в рассказе *Богоматерь* упоминается в составе словосочетания со словом *икона*. Авраамий находит в лесной часовенке старую потемневшую икону. Показательно, что сначала узнавания образа не происходит. «Что за странность, что за зайчик и что за часовня, чья икона?» (СА, с. 357).

В связи с именем *Мария* в художественной речи Б.К. Зайцева можно говорить о разрушении функции идентификации имени собственного. В тексте наблюдается близость, соединение или неразличение образов жены Авраамия

и Богородицы. Если имя мужского персонажа отличает необычность, то имя его жены традиционно для носителя русского языка и не только для него. Ассоциативные связи антропонима и агноантропонима могут возникнуть еще в начале текста. Далее в тексте повествования такое сплетение и близость образов в результате совпадения имен очевидна. Авраамий во сне «увидел покойную жену, в чертах лица ее что-то напоминало лицо на иконе. Так что Авраамий и не разобрал, то ли это Мария, которую он так теснил и упрекал в жизни, то ли иная» (СА, с. 357). Особенность данного контекста в том, что имя Богородицы так и не названо, даны лишь апеллятивные идентификаторы имен: *покойная жена – Мария, Мария – иная*. Сближение образов происходит не только через формулу имени, но и через принадлежность иному миру. В другом контексте сближение названных образов происходит благодаря речевой характеристике персонажей: «он услышал голос, столь напомнивший покойную жену» (СА, с. 357), хотя далее уже следует название имени – *Богородица Умиление Сердец*. С именем *Мария* в изучаемом тексте традиционно связаны константы *Молитва, Смирение, Кротость, Чистота*. Показательно, что концептуальные аксиологические характеристики отличают и жену Авраамия, и Деву Марию.

Иконим в тексте Б.К. Зайцева

Религиозно-нравственный смысл рассказа Б.К. Зайцева «Сердце Авраамия» заключается в том, что силе веры подвластно многое. Концепт *Икона* организует разные уровни исследуемого текста (содержание, композицию, подтекст). Духовное перерождение Авраамия неслучайно происходит через чудотворную икону.

Для христианина *икона* стала символом Божественной благодати, явлением, наполняющим сердце радостью. С этим связаны феномен русской иконы и ее тайна, на которую указывал князь Е. Трубецкой: «Самое существенное и важное, что есть в русской иконе, – та несравненная радость, которую она возвещает миру»; «ведь нет Пасхи без Страстной седмицы и к радости всеобщего воскресения нельзя пройти мимо животворящего креста Господня» [19, с. 22]. Константы *Радость, Воскресение* и *Страдание* вступают в устойчивые ассоциативно-семантические связи в религиозном языковом сознании. Такие же связи и в тексте Б.К. Зайцева: через *Страдания* и через *Икону* герой приходит к собственному *Воскресению* и обретению *Радости*. Еще до нравственного перерождения персонаж, помолившись иконе, почувствовал облегчение: «Войдя, увидел Авраамий потемневшую икону Богоматери. Стал на колена, помолился. Точно бы полегло» (СА, с. 357). Через икону он приходит к тому, что искал всю свою жизнь, – к *Радости*.

И.В. Бугаева в своем исследовании показывает, что официальная номинативная формула иконы «имеет структуру: апеллятив (икона) + иконографический цикл (Божией Матери) + дифференциатор» [20, с. 244]. Икона в тексте Б.К. Зайцева относится к Богородичному циклу, но автор не использует канонический иконим. Поскольку икона Богородицы в тексте ни разу не называется *Галичской*, можно говорить об отсутствии традиционного локализатора, который указывает на место явления, обретения, хранения иконы или проявления ее чудотворений. Имплицитно этот локализатор может быть определен только

топонимом текста Б.К. Зайцева. Обретает икону Авраамий в «диком Галичском краю» на берегу озера (СА, с. 356). В рассказе неимплицитно дается только дифференциатор, свидетельствующий об оказываемой помощи – *Богородица Умиление Сердец*.

В современном литературоведении было отмечено, что наименование иконы, явленной зайцевскому Авраамию, приводит к смысловому сближению двух образов Девы Марии в двух типах икон Богоматери. Это икона «Умиление» и икона «Умиление Злых Сердец / Умягчение Злых Сердец» (см. [9, с. 47; 10, с. 50; 11, с. 69]).

В православной иконописи существуют несколько типов иконы Божьей Матери. Один из них – Умиление, или Милующая. Это лирический образ Богоматери с Младенцем, к которому и относится икона Богородицы Галичской. В тексте рассказа икона называется «Умиление Сердец». Лексема *злых* опускается автором. Дифференциатор «Умягчение злых сердец» приводится к другому типу богородичного образа – Богоматери Семистрельной [11, с. 69]. Метафорический смысл данной иконы в православии предполагает напоминание о стойкости и смирении при всех жизненных трудностях и подчинении воле Бога. На иконе «Умиление Злых Сердец» изображена Дева Мария, на которую направлено семь мечей. Мечи символизируют человеческие грехи: гнев, зависть, чревоугодие, прелюбодеяние, уныние, алчность, гордыню. Три из них (гневом, завистью и унынием) «заражено» сердце Авраамия.

В церковнославянском языке слово *умиление* отличается двойственностью семантики: ‘смягчение сердца, сожаление, смирение’ (СЦЯ), ‘сокрушение, раскаяние, покаяние’ (ЦРП, с. 373) и ‘помилование, соболезнование’ (ЦРП, с. 373). Эта двойственность реализуется и в тексте Б.К. Зайцева. Встреча с иконой, с одной стороны, – сердечное сокрушение Авраамия, с другой – обращенная к нему милость Богородицы.

В религиозной картине мира под умилением понимается «уврачевание души: оно приобретает нам отпущение грехов <...> На земле нет радости сладостнее той, какая бывает от умиления. Извели ли опытно вы... силу слез? Озарился ли кто из вас этою радостью слёз по Богу?» (ТС). В данном контексте зафиксированы тесные связи констант *Умиление*, *Радость* и *Плач (Слёзы)*. В тексте Б.К. Зайцева константы *Умиление* и *Очищение* вступают в устойчивые ассоциативно-семантические связи, а *слёзы* оказываются их атрибутивной характеристикой. В концептосфере рассказа немалую роль играет константа *Слёзы*, их очищающая сила. Важнейшим элементом истинной молитвы у монахов считался «дар слёз», потому что они – дар Божий. Молитвы Авраамия в лесу сопровождаются рыданиями, и, перерождаясь, он тоже плачет. Снова можно говорить об интертекстуальных связях текста Б.К. Зайцева и Евангелия, о художественной интерпретации одной из заповедей блаженства: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4).

В настоящей работе признаётся и поддерживается точка зрения о том, что «номинации икон представляют собой микротекст, сжатый, компрессированный, но текст, который при наличии определенных знаний можно развернуть» [20, с. 236]. Такой подход учитывается при анализе иконима *Умиление Сердец* в рассказе Б.К. Зайцева. Именно с иконимом возникают сложности в определении

его функциональной роли в исследуемом тексте. Используемая неканоническая сокращенная формула для номинации, подмена имени иконы, введение имени в «чужое» ономастическое поле (*Авраамий Галицкий, Сергей Радонежский* и др.) позволяют говорить о языковой игре с читателем. Интерпретация иконима *Умиление Сердец* служит подтверждением наличия общего ассоциативно-семантического поля для констант *Богородица, Православная Икона, Святость, Святой, Умиление* в языковой картине мира писателя. Изучение имени собственного как проекции личности автора и его ментальной действительности, возможно, объясняет подмену имени иконы не только связями с основной идеей текста (очищением грешного сердца), но и признанием чудодейственной силы любой православной иконы Богородичного цикла. Следует говорить о реминисцентной функции иконы и прецедентности имени Девы Марии, необходимости изучения данных имен собственных в тексте Б.К. Зайцева как проекции пространства интертекста и концептосферы православия. Об этих направлениях исследования имени собственного в художественной речи, в частности, говорится в работе А.А. Фомина [21].

Заключение

В настоящем исследовании осуществлялась попытка проследить, как христианские константы и агнонимы осмысливаются в художественном светском тексте. Высокая концентрация констант православия в относительно малом объеме текста позволяет говорить об их значимости в языковой картине мира писателя и свидетельствует о лингвокультурной ценности как констант текста, так и имен собственных, вписанных в их семантическое поле.

Концептосфера рассказа как сложная система взаимосвязанных лингвокультурных художественных концептов представлена константами, важными для религиозного сознания. Среди них наиболее концептуально значимыми оказываются *Святость, Икона, Молитва, Умиление, Радость* и др. Выбор ономастической лексики и констант текста, а также функционирование данных семантических единиц тесно связаны с мировосприятием автора.

Анализ функционирования имени собственного в концептосфере рассказа позволяет выявить семантические отношения имени с апеллятивными единицами, выступающими его синонимическими заменами и константами православной культуры. Ассоциативные связи имени собственного в художественной речи Б.К. Зайцева носят аксиологический характер, данные имена участвуют в формировании общей оценки константы *Святость* во фрагменте русского художественного мировоззрения. Анализ интерпретации агнонимов в тексте Б.К. Зайцева позволил говорить о важных для русской ментальности аспектах *Святости*: это помощь, любовь, сострадание, защита и др.

Результатом анализа стало выявление полифункциональности имени собственного (агнонима) в исследуемом тексте: оно выполняет функцию идентификации и различения персонажей, мифологическую функцию, выступает средством текстопостроения и является проекцией личности автора и его миропонимания, а также отсылкой к интертексту и концептосфере православного христианства. Последнее свидетельствует об устойчивой концептуальной функции имен собственных в тексте Б.К. Зайцева «Сердце Авраамия».

Источники

- СА – *Зайцев Б.К.* Сердце Авраамия // Ремизов А.М., Зайцев Б.К. Проза. – М.: Олимп, 2000. – С. 355–358.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Гл. ред. В.И. Чернышев. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Т. 1. – 768 стб.; 1963. – Т. 15. – 1286 стб.
- Фил. – Послание к филиппийцам святого апостола Павла // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Междунар. изд. центр православной лит., 1994. – С. 1285–1289
- Мф. 5:1–12 – Заповеди блаженства / Евангелие от Матфея // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Междунар. изд. центр православной лит., 1994. – С. 1011–1053.
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007. – Т. IV: Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полузнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именованя. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. – 924 с. – URL: <http://xn--80aaasqienkyiacsf0g.xn--p1ai/dictionary>, свободный.
- СРЛИ – *Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г.* Словарь русских личных имен. – М.: Школа-пресс, 1995. – 733 с.
- ЭСРЯ – *Крылов Г.А.* Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграф-услуги, 2005. – 432 с.
- СС – *Тресиддер Д.* Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.
- ЭС – Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. – М.: Астрель; АСТ, 2004. – С. 556.
- СЦЯ – *Олейникова Т.С.* Краткий словарь малопонятных слов и выражений церковнославянского языка. – URL: <https://www.karpovo.0o.ru/books/church/oleinikova.pdf>, свободный.
- ЦРП – *Седакова О.А.* Церковнославянско-русские паронимы: Материалы к словарю. – М.: Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. – 428 с.
- ТС – *Ефрем Сирин, преподобный.* Творения: в 8т. – М.: Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. – Т. 2. – С. 59–67. – URL: http://www.k-istine.ru/library/efrem_sirin-110.htm, свободный.

Литература

1. *Фонякова О.И.* Имя собственное в художественном тексте. – Л.: ЛГУ, 1990. – 104 с.
2. *Кузьмина М.И.* Имя собственное Валаам в индивидуальной языковой картине мира (на материале путевых очерков русских писателей конца XIX – начала XX века): Дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2009. – 220 с.
3. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
4. *Любомудров А.М.* Монастырские паломничества Б.К. Зайцева // Рус. лит. – 1995. – № 1. – С. 137–158.
5. *Архимандрит Киприан (Керн).* Литература и жизнь. Б.К. Зайцев // Возрождение. – 1951. – № 17. – С. 158–163.
6. *Бугаева И.В.* Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ. – М.: ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007. – 139 с.

7. *Коренева Ю.В.* Онимы в концептосфере преподобнического жития // Вестн. МГОУ. Сер. «Русская филология». – 2013. – № 3. – С. 11–15.
8. *Ничипоров И.Б.* Подвиг святости в творческом осмыслении Б.Зайцева («Преподобный Сергей Радонежский», «Алексей Божий человек», «Сердце Авраамия») // Духовная традиция в русской литературе: Сб. науч. ст. / Науч. ред., сост. Г.В. Мосалева. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2009. – С. 344–352.
9. *Трубицына М.Ю.* Христианские образы в новелле Б.К. Зайцева «Сердце Авраамия» // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 46–49.
10. *Налобин А.В.* Синтез жанров как путь к созданию литературного апокрифа (на материале рассказа Б.К. Зайцева «Сердце Авраамия») // Вестн. ТвГУ. Сер. «Филология». – 2013. – № 2. – С. 319–324.
11. *Климова М.Н.* Литературный пересказ жития: агиографический канон и творческий вымысел (на примере новеллы Б. К. Зайцева «Сердце Авраамия») // От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: жития «грешных святых» в русской литератур. – М.: Индрик, 2010. – С. 66–69.
12. *Налобин А.В.* Семантика «сердца» в формировании житийных смыслов в литературном апокрифе Б.К. Зайцева «Сердце Авраамия» // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 2. – С. 47–50.
13. *Кузьмина М.И.* Семантика агионима *Николай* (на материале русских паремий и православных молитв) // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2017. – Т. 16, №2. – С. 116–126.
14. *Усатов А. (иерей)* Всегда радуйтесь – URL: <https://azbyka.ru/vsegda-radujtes>, свободный.
15. *Боровская Е.Р., Минералова И.Г.* Псалом 50 в рассказах «Скрипка Ротшильда» А.П. Чехова и «Сердце Авраамия» Б.К. Зайцева. Ч. 1 // Усп. соврем. науки. – 2016. – Т. 4, № 7. – С. 28–30.
16. *Васильева Н.В.* Собственное имя в мире текста. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
17. *Карасик В.И.* Концептуализация чуда // Поволж. пед. вестн. – 2017. – Т. 5, № 3. – С. 25–33.
18. *Пащенко М.А.* Концепт «молитва» в русскоязычной религиозной и светской концептосферах // Интерпретация текста: лингвистические, литературоведческие и методические аспекты. – 2013. – № 6. – С. 164–167.
19. *Трубецкой Е.* Умозрение в красках // Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. – Париж: YMCA-Press, 1965. – С. 7–57.
20. *Бугаева И.В.* Номинация икон как микротекст // Икона в русской словесности и культуре: Сб. ст. / Сост. В.В. Лепяхин. – М.: Паломник, 2012. – С. 235–253.
21. *Фомин А.А.* О направлениях изучения литературной онимии // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сент. 2005 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 54–57.

Поступила в редакцию
10.06.19

Кузьмина Маргарита Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного

Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, д. 31а, г. Нижний Новгород, 603155, Россия
E-mail: kuzmina-margarita.2015@yandex.ru

**Proper Names in the System of Constants
of B.K. Zaitsev's Story "Abraham's Heart"**

M.I. Kuzmina

*Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603155 Russia*E-mail: *kuzmina-margarita.2015@yandex.ru*

Received June 10, 2019

Abstract

A connection between the semasiological and linguocultural approaches was considered in this paper as a promising research perspective. The proper name was discussed as an important component of the writer's linguistic worldview. The study is based on the story "Abraham's Heart" (1926) by B.K. Zaitsev. The object of study is the onomastic vocabulary and other concepts of the Christian culture (heart, tenderness, icon, prayer, tears, sin, etc.). The onomastic vocabulary of the story includes such names as Abraham, Mary, the Mother of God of Tenderness towards Evil Hearts, etc. The functioning of the above-mentioned proper names in the story was analyzed. The research is highly relevant, because of the insufficient data on B.K. Zaitsev's use of onomastic means. The conceptual sphere of the story "Abraham's Heart" was reconstructed. The abilities of onyms to enter the complex inter-field relations and associative-semantic relations with the concepts of the Christian culture were revealed. It was concluded that B.K. Zaitsev's story is characterized by conceptualization of the meanings of individual linguistic units, as well as by strengthening of the components of their meaning in the literary text.

Keywords: proper name, semantics of linguistic units, agionym, literary text, constant, conceptual sphere, writer's linguistics worldview, B.K. Zaitsev, Orthodox worldview

References

1. Fonyakova O.I. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper Name in Literary Text]. Leningrad, LGU, 1990. 104 p. (In Russian)
2. Kuzmina M.I. The proper name Balaam in the personal linguistic view of the world (based on the travel stories of Russian writers in the late 19th – early 20th centuries). *Cand. Philol. Diss.* Nizhny Novgorod, 2009. 220 p. (In Russian)
3. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Shk. "Yazyki Russ. Kul't.", 1997. 824 p. (In Russian)
4. Lyubomudrov A.M. B.K. Zaitsev's monastery pilgrimages. *Russkaya Literatura*, 1995, no. 1, pp. 137–158. (In Russian)
5. Archimandrite Cyprian (Kern) Literature and life. B.K. Zaitsev. *Vozrozhdenie*, 1951, no. 17, pp. 158–163. (In Russian)
6. Bugaeva I.V. *Agionimy v pravoslavnoi srede: strukturno-semanticheskii analiz* [Hagonyms in the Orthodox Environment: Structural-Semantic Analysis]. Moscow, FGOU VPO RGAU – MSKhA im. K.A. Timiryazeva, 2007. 139 p. (In Russian)
7. Koreneva Yu.V. Proper name in the conceptsphere of hagiography. *Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya Filologiya"*, 2013, no. 3, pp. 11–15. (In Russian)
8. Nichiporov I.B. A feat of holiness in the creative ideas of B. Zaitsev ("Venerable Sergius of Radonezh", "Alexius of Rome", "Abraham's Heart"). In: Mosaleva G.V. (Ed.) *Dukhovnaya traditsiya v russkoi literature* [Spiritual Tradition in Russian Literature]. Izhevsk, Udm. Gos. Univ., 2009, pp. 344–352. (In Russian)

9. Trubitsyna M.Yu. Christian images in the novel “Abraham’s Heart” by B.K. Zaitsev. *Vestnik Cherepovetskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2009, no. 3, pp. 46–49. (In Russian)
10. Nalobin A.V. A fusion of genres as a way to create a literary apocrypha (based on the story “Abraham’s Heart” by B.K. Zaitsev). *Vestnik TvGU. Seriya “Filologiya”*, 2013, no. 2, pp. 319–324. (In Russian)
11. Klimova M.N. Literary hagiographical retelling: Hagiographic canon and creative fiction (using the novel “Abraham’s Heart” by B.K. Zaitsev). In: *Ot protopopa Avvakuma do Fedora Abramova: zhitiya “greshnykh svyatykh” v russkoi literature* [From Protopope Avvakum to Fedor Abramov: Lives of “Sinful Saints” in Russian Literature]. Moscow, Indrik, 2010, pp. 66–69. (In Russian)
12. Nalobin A.V. The semantics of “heart” in the hagiographic meaning in the literary apocrypha “Abraham’s Heart” by B.K. Zaitsev. *Vestnik Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul’tury i Iskusstv*, 2013, no. 2, pp. 47–50. (In Russian)
13. Kuzmina M.I. Semantics of the agionym *Nikolay* (based on Russian paroemiae and Orthodox prayers). *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 116–126. (In Russian)
14. Usatov A. (priest) Always be joyful. Available at: <https://azbyka.ru/vsegda-radujtes>. (In Russian)
15. Borovskaya E.R., Mineralova I.G. Psalm 50 in the stories “Rothschild’s Violin” by A.P. Chekhov and “Abraham’s Heart” by B.K. Zaitsev. Pt. 1. *Uspekhi Sovremennoi Nauki*, 2016, vol. 4, no. 7, pp. 28–30. (In Russian)
16. Vasil’eva N.V. *Sobstvennoe imya v mire teksta* [Proper Name in Textual World]. Moscow, LIBROKOM, 2009. 224 p. (In Russian)
17. Karasik V.I. Conceptualization of miracle. *Povolzhskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2017, vol. 5, no. 3, pp. 25–33. (In Russian)
18. Pashchenko M.A. The concept of “prayer” in the Russian religious and secular conceptual spheres. *Interpretatsiya Teksta: Lingvisticheskie, Literaturovedcheskie i Metodicheskie Aspekty*, 2013, no. 6, pp. 164–167. (In Russian)
19. Trubetskoi E. Speculation in color. In: Trubetskoi E. *Tri ocherka o russkoi ikone* [Three Essays on Russian Icon]. Paris, YMCA-Press, 1965, pp. 7–57. (In Russian)
20. Bugaeva I.V. Icon nomination as a microtext. In: Lepakhin V.V. *Ikona v russkoi slovesnosti i kul’ture* [Icon in Russian Literature and Culture]. Moscow, Palomnik, 2012, pp. 235–253. (In Russian)
21. Fomin A.A. On the branches of research on literary onymy. *Onomastika v krugu gumanitarnykh nauk: Materialy mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 20–23 sent. 2005 g.* [Onomastics in Humanities: Proc. Int. Sci. Conf., Yekaterinburg, Sept. 20–23, 2005]. Yekaterinburg, Izd. Ural. Univ., 2005, pp. 54–57. (In Russian)

Для цитирования: Кузьмина М.И. Имя собственное в системе констант рассказа Б.К. Зайцева «Сердце Авраамия» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 9–22. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.9-22.

For citation: Kuzmina M.I. Proper names in the system of constants of B.K. Zaitsev’s story “Abraham’s Heart”. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 9–22. doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.9-22. (In Russian)